

Н.Н.Холодков

Латинская Америка: проблемы и вызовы посткризисного развития

В статье через призму доминирующих в глобальной экономике тенденций показаны особенности протекания мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. в странах Латинской Америки. Дается оценка эффективности антикризисной политики. В увязке с фундаментальными сдвигами в международной экономической и геополитической обстановке выделяются некоторые основные проблемы и вызовы посткризисного развития региона.

Ключевые слова: макроэкономическая стабильность, кредитно-банковская система, неолиберализм, антикризисная политика.

За прошедшие пять лет с начала глобального финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. его последствия и совокупность вызванных им проблем не потеряли остроты и злободневности. Кризис вышел за рамки сугубо экономических и социальных параметров и обрел геополитическую проекцию, он охватил более 80% мировой экономики (в годы «великой депрессии» — 92,4%)¹. В его орбиту были втянуты государства и регионы, отличающиеся по уровню развития производительных сил, социальной и политической ориентации. Лишь отдельным странам удалось сохранить положительную, но замедленную динамику роста.

Не стала исключением и Латино-Карибская Америка (ЛКА). Финансовый цунами затронул (хотя и в разной степени) как страны, обладающие сравнительно диверсифицированной структурой хозяйства, — Аргентину, Бразилию, Мексику, Чили, — так и малые государства Центральной Америки и Карибского бассейна с их узкоотраслевой специализацией и жесткой привязкой к рынку США. Однако в отличие от предшествовавших периодов нестабильности на этот раз латиноамериканским странам удалось заметно ограничить материальные и социальные издержки глобального спада. Сравнительно быстрый и динамичный выход из рецессии является

Николай Николаевич Холодков — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (nkholodkov@gmail.com).

показателем, с одной стороны, повышения уровня макроэкономической стабильности, с другой — возрастания антикризисного потенциала экономик стран региона и их устойчивости перед лицом внешних шоков. Перспективы укрепления этой тенденции пока трудно предсказуемы и во многом будут зависеть от результативности курса на оптимизацию национальных стратегий развития с учетом уроков кризиса и новых геополитических реалий.

ГЛОБАЛЬНЫЕ СДВИГИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Анализ возникших турбулентных явлений в мировом хозяйстве и их последствий свидетельствует не просто об очередном циклическом спаде или его сугубо финансовом происхождении. Причины возникшей ситуации носят многоплановый характер и являются по существу отражением кризиса мирохозяйственной системы в целом. Налицо комплексная девальвация структуры управления, основополагающих идей современного миропорядка, теоретических и концептуальных основ доминирующих моделей развития. По мнению исполнительного секретаря Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) Алисии Барсены, «мир вошел не в эпоху изменений, начался период смены эпох»². Затянувшееся и неустойчивое восстановление глобальной экономики, граничащее с риском вхождения в новый виток нестабильности, во многом объясняется наличием тектонических сдвигов в рамках мирохозяйственной системы и трудностями формирования нового баланса взаимодействия.

Наметившийся в 2010 г. подъем мирового производства не трансформировался в процесс стабильного и динамичного роста. Несмотря на прохождение наиболее острой фазы кризиса и отдельные признаки улучшения, ближайшие перспективы по-прежнему туманны. Выход ведущих экономик мира в лице США, Евросоюза и Японии из рецессии во многом был осуществлен за счет не имевшей ранее прецедентов денежной эмиссии. В США совокупный объем первой и второй волн т.н. количественного смягчения составил 2,3 трлн долл. В сентябре 2012 г. Федеральная резервная система (ФРС) объявила новый раунд вброса ликвидности. В рамках этого очередного этапа ФРС будет ежемесячно приобретать ипотечные облигации и казначейские обязательства на 40 млрд долл. В свою очередь в ЕС в ходе двух долгосрочных операций рефинансирования Европейский центральный банк выдал 1 трлн еврокредитов. Наконец, Банк Англии выкупил британских же облигаций на 325 млрд фунтов³.

Однако причины системного провала в функционировании институтов и рынков не были ликвидированы. Огромные финансовые ресурсы, выделенные экономически развитыми странами на выход из рецессии и возобновление роста, стали одновременно причиной дальнейшего расстройтва их государственных финансов и увеличения объемов суверенной задолженности (см. таблицу).

Продолжающаяся практика стимулирования деловой активности за счет бюджетных ресурсов практически достигла границ своей эффективности и ведет к дальнейшему наращиванию правительственных обязательств. В США, в частности, сохраняются серьезные проблемы в бюджетной сфере. Американским политикам после неоднократных попыток удалось найти

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ ЭКОНОМИЧЕСКИ РАЗВИТЫХ СТРАН
(в % к ВВП)**

Страны	Годы						
	2006	2008	2009	2010	2011	2012*	2017*
Всего страны,	77,2	81,5	95,2	101,4	105,5	110,7	111,7
в том числе:							
Бельгия	88,0	89,3	95,7	95,6	97,8	99,0	91,1
Великобритания	43,0	52,2	66,0	75,0	81,8	88,7	93,7
Германия	67,9	66,9	74,7	82,4	80,6	83,0	73,7
Греция	107,3	112,6	129,0	144,5	165,4	170,7	152,8
Ирландия	24,8	44,5	64,9	92,2	106,5	117,7	108,4
Испания	39,7	40,2	53,9	61,3	69,1	90,7	101,2
Италия	106,1	105,7	116,0	118,6	120,1	126,3	120,6
Нидерланды	47,4	58,5	60,8	62,9	65,2	68,2	75,0
Португалия	63,7	71,6	83,1	93,3	107,8	119,1	115,1
США	66,6	76,1	89,7	98,6	102,9	107,2	114,0
Франция	64,1	68,2	79,2	82,3	86,0	90,0	86,5
Япония	186,0	191,8	210,2	215,3	229,6	236,6	250,3
Зона евро	68,6	70,2	80,0	85,4	88,0	93,6	89,5
G-7	85,5	91,8	107,0	114,7	119,9	125,1	127,6

* Прогнозные оценки МВФ.

Источник: IMF. World Economic and Financial Surveys. Fiscal Monitor, 2012, October. Washington, 2012, p. 80.

компромисс и миновать «фискальный обрыв» (повышение налогов и сокращение бюджетных расходов). Однако проблема гигантского госдолга не решена, а лишь отложена. Его объем превысил в 2012 г. 16 трлн долл. (14 трлн долл. в 2010 г.) и продолжает увеличиваться.

Напряженная ситуация сохраняется в зоне евро, где уровень задолженности ряда стран достиг критической отметки (с учетом уровня их платежеспособности). Долговой кризис Греции, а также Испании, Португалии и Италии уже привел к тому, что под вопросом оказалось одно из главных достижений ЕС — единая валюта. Евросоюз предпринял существенные усилия, чтобы не допустить катастрофического провала в экономике и развала зоны евро. Речь идет, в частности, о внесении важных изменений в структуру континентальной банковской системы. Был создан европейский банковский союз с системой надзора наднационального характера, а также специальный совместный фонд финансовой помощи, из которого кредитные институты смогут получать средства в случае обострения проблемы ликвидности, минуя национальные правительства.

Однако предпринятые меры пока не привели к заметным позитивным сдвигам. Согласно опубликованному в январе текущего года докладу Всемирного банка (ВБ) «Глобальные экономические перспективы», в 2012 г. экономика 17 входящих в зону евро стран сократилась на 0,4%. Возвращение роста к положительным значениям прогнозируется лишь на 2014 г., а в 2013 г. ожидается сокращение ВВП на 0,1%⁴. На этом фоне нарастает острота вышедших на историческую авансцену социальных проблем. Безра-

ботица в зоне евро достигла в 2012 г. 10,8% (10,0% в 2011 г.) экономически активного населения. Запредельные показатели сохраняются в Испании (25,1%) и Греции (23,1%). В этих двух странах также зафиксирован самый высокий показатель безработицы среди молодежи (от 15 до 24 лет), соответственно, 52,9 и 53,2%⁵.

Япония, в свою очередь, стоит перед лицом высокого бюджетного дефицита и рекордного уровня государственного долга. В январе текущего года правительство одобрило очередной пакет стимулирующих мер, которые должны вывести страну из нынешней стагнации и обеспечить создание 600 тыс. новых рабочих мест. Согласно плану, 10,3 трлн иен (117 млрд долл.) будет израсходовано на финансирование общественных работ, льготы для инвесторов, на поддержку малого бизнеса.

Характеризуя нынешнюю ситуацию в странах триады (США, ЕС, Япония), известный американский исследователь Кеннет Рогофф отметил, что «ошибки, повлекшие кризис 2008 г. не исправлены. Шансы немедленного повторения финансового краха лишь немного снижены. Законы и регламентирующие документы, изданные в начале кризиса, в основном были «заплаткой» для сохранения статус-кво. Однако во всех других отношениях, по существу, ничего не изменилось»⁶. Действительно, помимо проблем в ипотечной сфере, которая в результате не может сыграть присущую ей роль драйвера экономического роста, а также сжатия потребительского спроса, в целом речь по-прежнему идет о накопившихся и нерешенных долговых проблемах, сохраняющемся бюджетном дефиците и глобальных дисбалансах. Не исключаются и рецидивы обострения долговой ситуации. По оценкам Международного валютного фонда (МВФ), к 2017 г. объем суверенного долга семи экономически развитых стран (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция, Япония) составит 127% их совокупного ВВП. При этом в Японии этот показатель превысит 250%, а в США достигнет 114% ВВП (см. таблицу).

О преобладании инерционных тенденций в центрах капитализма свидетельствует и возобновившаяся на уровне компаний и банков эмиссия производных финансовых инструментов (деривативов), сыгравших крайне негативную роль в развитии кризиса 2008—2009 гг. По данным Банка международных расчетов (The Bank for International Settlements, BIS), совокупный объем деривативных контрактов увеличился с 601 трлн долл. в 2010 г. до 648 трлн долл. в 2011 г.⁷. Для сравнения: мировой ВВП составляет примерно 70 трлн, т.е. порядка лишь 10% от этой позиции. Сумма деривативов на балансах американских банков повысилась, согласно данным Федеральной службы по контролю за денежным обращением США, с 165 трлн долл. в конце 2007 г. до 230,8 трлн долл. по состоянию на конец 2011 г. Из них 95% пришлось на долю пяти крупнейших банков. Эту пятерку возглавляет «JP Morgan Chase» (88 трлн долл.). За ним следуют «Bank of America» (38 трлн), «Citigroup» (32 трлн), «Goldman Sachs» (30 трлн) и «Wells Fargo» (5 трлн долл.)⁸. При таких объемах концентрации (помимо прочих негативных факторов) производных инструментов очередная паника на фондовых биржах способна вызвать «лавины», которая в состоянии смести выстраиваемые в последние годы защитные механизмы международной финансовой системы. На основе анализа нынешней ситуации на рынках ценных бумаг эксперты BIS выявили тенденции, свидетельствующие

щие о росте рисков образования нового «финансового пузыря» и повторения событий 2008 г.⁹.

Влияние кризиса не ограничивается проблемами финансов, производства и социальной сферы. Он стал причиной «инвентаризации» преобладавших моделей развития. Подвергаются переосмыслению теории, считавшиеся до последнего времени неоспоримыми. Одновременно начался процесс формирования своего рода «кластера» новых взглядов и концепций, претендующих на объективное осмысление происходящих в мире сдвигов и выработку механизмов адаптации к современным вызовам на глобальном и локальном уровнях.

Усилились, в частности, критические настроения в отношении неолиберальной стратегии и идеологических основ современного мироустройства. Широкое признание получила точка зрения, что принципы «вашингтонского консенсуса» уходят в прошлое, а теоретические концепции и практика, которые «когда-то были приняты как мудрость, теперь находятся под сомнением или дискредитированы»¹⁰.

Наиболее серьезные последствия вызваны изменениями, происходящими в расстановке мировых сил, и формированием новых полюсов роста. Повысилась актуальность вопроса о роли экономически развитых и развивающихся государств на посткризисном пространстве. После 2009 г. производство в ведущих центрах капитализма находится в состоянии стагнации или растет замедленными темпами. Соединенным Штатам под давлением переживаемых ими острых внутривозрастных проблем все труднее сохранять свою роль идейного и экономического лидера. Евросоюз, в свою очередь, поглощен спасением зоны евро. В условиях обозначившихся расхождений в приоритетах антикризисных установок не удалось выработать действенные общие подходы к оценке причин дестабилизации мировой экономики и методы устранения ее наиболее острых болевых точек. Все это в целом сказалось на эффективности антикризисной политики, переход в фазу стабилизации и подъема неустойчив и болезнен.

Противоположная ситуация наблюдается в крупных развивающихся государствах. Им удалось в целом перехватить инициативу и усилить свою роль в глобальной экономике. Несмотря на некоторое снижение темпов прироста ВВП в 2012 г. (до 6,1% по сравнению с 6,9% в 2011 г.), эти страны заметно опережают экономически развитые государства, где прирост составил соответственно 1,5 и 1,2%¹¹. По оценкам экспертов ВБ, аналогичная тенденция сохранится и в ближайшие годы.

В обстановке нестабильности в центрах капитализма возрастает давление со стороны развивающихся стран с целью построения более диверсифицированного и менее западочентричного порядка. Набирает силу движение за пересмотр алгоритма глобализации. Опираясь на свой недавно приобретенный экономический вес, эти страны бросают вызов многим правилам, нормам и регламентам, установившимся в отношении мировой торговли, инвестиций и прав интеллектуальной собственности.

Борьба на идеологическом фронте разворачивается в обстановке растущей конкуренции за сферы влияния. Китай все увереннее заявляет о себе как о второй державе в мире по экономической мощи, выступает в качестве глобального игрока, расширяющего свои позиции не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в Африке и Латинской Америке. Сейчас мало

кто сомневается в том, что КНР уже в ближайшей перспективе может стать противовесом «золотому миллиарду» в лице США, Западной Европы и Японии, пока занимающим главенствующие позиции в системе международных отношений.

Процесс формирования новых полюсов роста приобретает все более зримые очертания. Примечательно, что еще в 2008 г. Национальный разведывательный совет США впервые признал, что глобальная мощь Америки действительно ослабевает. В докладе «Глобальные тенденции — 2025» совет упомянул «беспрецедентный в мировой истории переход мирового богатства и экономической мощи от Запада к Востоку» в качестве основной причины упадка «сравнительной силы Соединенных Штатов — даже в военной сфере». Было также отмечено, что «по размерам, скорости и направленности потока происходящий ныне перенос богатства и экономического влияния с Запада на Восток не имеет прецедентов в современной истории»¹².

В очередном докладе «Глобальные тенденции — 2030: альтернативные миры», констатируется не только сохранение, но и усиление отмеченного тренда. Согласно содержащимся в исследовании оценкам, Китай, весьма вероятно, обойдет экономику США в ближайшие два десятилетия, а Азия превзойдет Северную Америку и Европу вместе взятые по глобальному влиянию. Под влиянием подразумеваются численность населения, объем ВВП, затраты на вооружение и инвестиции в технологии. По мнению авторов доклада, США утратят к 2030 г. статус супердержавы, хотя и останутся первыми среди равных¹³.

Одновременно активизировался процесс формирования новых экономических и политических структур — BRICS (Brasil, Russia, India, China, South Africa), Шанхайская организация сотрудничества, Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, Unasur) и др. — с их стремлением выйти на глобальный уровень разработки и принятия решений. Как показала практика последних лет, сегодня фактически невозможно решать глобальные вопросы в одностороннем порядке. Оказались востребованными новые коллективные форумы. Одним из них стала «группы двадцати» (G-20), возникшая в экстремальных условиях кризиса. Опасения по поводу того, что глобальная экономика находится на грани катастрофы, ускорили переход от «Большой семерки» к формату G-20, включающему крупнейшие экономики мира и самые важные формирующиеся национальные рынки. Создание G-20 явилось косвенным подтверждением того, что западные страны не в состоянии справиться с мировыми экономическими проблемами в одиночку. По существу это стало отражением начавшегося процесса перебалансировки сил в мире и его движения в сторону многополярности.

На фоне тенденции ослабления позиций США обострились дебаты в отношении переустройства международной финансовой архитектуры. Широкая дискуссия развернулась, в частности, по вопросу о роли американского доллара как мировой резервной валюты. В ситуации его повывисшейся неустойчивости выдвигаются проекты и предложения, в том числе в рамках ООН, о формировании мультивалютной системы, которая бы в большей степени отражала интересы всего международного сообщества и отвечала изменившемуся соотношению сил. Критические высказывания в отношении существующей валютной системы, а также выдвигаемые предложения по снижению международного статуса доллара имеют под собой

вполне реальные основания, связанные, в частности, и со сложностью стоящих перед США финансово-экономических проблем. Положение доллара сейчас не столь прочное, как раньше. Однако вопрос далеко не так однозначен. Найти замену американской валюте трудно, особенно в ближайшей перспективе. Профессор Калифорнийского университета Бенджамин Коэн объясняет сложившуюся ситуацию отсутствием на настоящий момент реальной альтернативы доллару. Перефразируя известное высказывание Уинстона Черчилля о демократии, он говорит, что «доллар может оказаться наихудшим решением, если не считать всех остальных»¹⁴.

Под влиянием кризиса проблема дедолларизации международных экономических отношений стала довольно актуальной. Однако продолжающиеся дебаты по поводу альтернатив американскому доллару, включая повышение роли Специальных прав заимствования*, пока не привели к каким-либо значимым результатам. Процесс выдвижения других альтернативных валют займет, видимо, сравнительно длительный период времени. Наиболее вероятным представляется сценарий постепенного снижения роли доллара в мировых резервах и внешних расчетах по мере сокращения доли США в глобальной экономике. По оценкам экспертов Всемирного банка (ВБ), доллар перестанет быть основной мировой валютой к 2025 г. В докладе «Глобальные горизонты развития — 2011» отмечается, что на протяжении этого периода может сложиться новая мультивалютная система: американский доллар утратит господство, евро и юань сравняются с ним по статусу¹⁵. Данный сценарий поддерживается вероятностью того, что США, страны зоны евро и Китай станут к тому времени тремя главными полюсами экономического роста.

Активную позицию практически по всем аспектам обсуждаемых мировых проблем занимают латиноамериканские страны. Тенденция к усилению самостоятельной роли региона на международной арене не только не ослабла под влиянием кризиса, но и приобрела дополнительный импульс, особенно на фоне замедленного восстановления экономики США, Западной Европы и Японии. Вхождение Аргентины, Бразилии и Мексики в G20 и сравнительно уверенный выход из кризиса усиливают влияние региона на принятие решений по реформированию нынешнего миропорядка. Выдвигаемые ими положения касаются и повышения роли развивающихся стран в институциональной структуре мирохозяйственной системы, включая МВФ и ВБ.

В целом кризис высветил широкий спектр сложных и неоднозначных по своему содержанию вопросов и проблем. Хотя теоретически он предоставляет определенный шанс для раскрытия потенциала экономического роста на глобальном уровне, в практическом плане его воздействие на формат посткризисного развития пока еще не очень ясно. Однако вполне определенно можно сказать, что под его влиянием ускорился процесс поиска новой концепции мироустройства.

В контексте сохраняющейся в мире неустойчивости и столкновения противодействующих тенденций выход на новое равновесное состояние потребует не просто корректировки национальных стратегий развития. Складывающаяся на сегодняшний день ситуация ставит в повестку дня во-

---

* Международные резервно-расчетные средства в рамках МВФ.

просы фундаментального характера. Речь идет о критическом анализе теории и практики предшествовавшего периода и выработке новых подходов к формированию на глобальном уровне институтов и механизмов, соответствующих потребностям устойчивого социально-экономического прогресса с учетом таких проблем, как сохранение окружающей среды, энергетическая безопасность, преодоление социального неравенства и других насущных вопросов современности. Эксперты ООН определяют этот процесс как «переоснащение» мирового развития, т.е. «осуществление кардинальной реформы механизмов управления глобальной экономикой и выработку новой парадигмы устойчивого роста»¹⁶.

Отмеченные выше лишь некоторые глобальные тенденции находят свое отражение и на латиноамериканском пространстве. Движение к многополярному миру и растущие сомнения в отношении эффективности принципов рыночного регулирования оказывают влияние и на вектор социально-экономического развития региона. Здесь, пожалуй, критические настроения в отношении англо-саксонской неолиберальной модели достигли особенно высокого уровня. В итоге усиливаются позиции сторонников повышения роли государства в социально-экономической жизни. Под критическим углом зрения рассматриваются доминировавшие на протяжении последних десятилетий теории о минимизации его функций.

Трансформируются структура и характер традиционных отношений с Соединенными Штатами. Вашингтон уже не единственный центр, на который ориентируются латиноамериканские страны. Но было бы преждевременно, как представляется, говорить о конце «*Rex Americana*». У США сохраняются серьезные рычаги влияния на формирование экономической и внешнеполитической повестки дня региона. Но степень воздействия ослабевает. Снижается, в частности, доля США в объеме внешней торговли при одновременном росте этого показателя у Китая и других азиатских стран. Появляются новые рынки сбыта для товаров традиционного и нетрадиционного экспорта, диверсифицируются источники внешнего финансирования, в том числе в формате Юг — Юг.

В целом меняющаяся картина мира расширяет латиноамериканским странам пространство для маневра при формировании их внутренних и внешних приоритетов. Одной из составляющих этого процесса стало повышение роли латиноамериканского фактора в системе международных отношений. Все чаще страны ЛКА выступают с инициативами, отражающими их собственное видение дальнейшей стратегии роста. Активизация деятельности на международной арене поддерживается положительными сдвигами во внутриэкономической ситуации. Страны региона оказались в состоянии ослабить разрушительные последствия кризиса и сохранить экономический и финансовый потенциал, достигнутый в предкризисный период.

АНТИКРИЗИСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Глобальный кризис стал своего рода испытанием для латиноамериканских стран. Был прерван сравнительно динамичный цикл развития национальных экономик, повысился уровень инфляционного давления. Под угрозой оказались социальные достижения последних лет. Своего пика рецессия достигла в 2009 г., когда регион оказался перед лицом спада в тор-

говле, промышленности и сельском хозяйстве, в объеме государственных доходов. Снизились инвестиции в основной капитал. Импорт машин и оборудования в целом по региону упал в 2009 г. на 16% против роста на 21,7% в 2008 г.¹⁷. Хотя степень и глубина цепной реакции различались по странам, практически все они вступили в фазу замедления деловой активности с последующим сжатием (резким в ряде случаев) абсолютных объемов производства по сравнению с предкризисным периодом. Наибольшее сокращение в 2009 г. произошло в Мексике (-6,3%), Парагвае (-3,8%), в Венесуэле (-3,2%). Падение ВВП в целом по региону составило -1,6%¹⁸.

Кризис показал сохраняющуюся уязвимость стран ЛКА от воздействия внешних факторов. И в этом плане он имел целый ряд общих признаков с периодами нестабильности 1980—1990-х годов и начала текущего столетия. Вместе с тем сравнительный анализ основных системных и макроэкономических индикаторов свидетельствует, что последний кризис развивался в Латинской Америке в несколько ином формате и характеризовался наличием ряда особенностей как количественного, так и качественного содержания.

Во-первых, его последствия оказались менее разрушительными в отличие от прошлых периодов нестабильности. Так, в разгар долгового кризиса производство в регионе упало в 1983 г. на 2,5%, наблюдалось массовое банкротство предприятий реальной экономики и финансовой сферы, резкое увеличение безработицы и обострение социальной напряженности. В Мексике в кризисном 1995 г. реальный ВВП упал на 7%, промышленное производство — на 15%. Тысячи компаний стали банкротами, сотни тысяч людей потеряли работу. Как отметил Нобелевский лауреат Пол Кругман, «положение дел было хуже любых событий этого рода в Соединенных Штатах в годы «великой депрессии»¹⁹. Аналогичная ситуация сложилась в Аргентине в 2001—2002 гг., когда экономика оказалась в полубоморочном состоянии: реальный ВВП после снижения в 2001 г. на 4% сократился еще на 11% в 2002 г. Страна была вынуждена объявить дефолт по своим внешним обязательствам.

На этот раз в регионе не наблюдалось массового банкротства кредитно-финансовых учреждений, оттока банковских вкладов, валютного кризиса, возрастания социальной напряженности и обострения политической ситуации. Кризис протекал в условиях низкой инфляции, без чрезмерного расстройтва государственных финансов, экстраординарного роста внешнего долга и масштабного «бегства» национального капитала. Кроме того, страны региона не стали генератором или источником дополнительной напряженности в мире.

Во-вторых, если прошлые периоды неустойчивости были в большинстве случаев связаны с серьезными просчетами в проведении внутренней валютно-финансовой и макроэкономической политики, то на этот раз причинами потрясений стали преимущественно внешние факторы, а их генератором — государства с развитой экономикой, прежде всего США. По словам Нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, на этот раз на кризисе можно было бы повесить табличку «Сделано в США»²⁰.

В-третьих, хотя падение производства в ЛКА превосходило аналогичный показатель по развивающимся государствам в целом, но оказалось заметно ниже, чем в экономически развитых странах, странах Центральной и Восточной Европы или в СНГ. Ниже предполагаемых были и негативные последствия для рынка труда. Безработица не достигла масштабов, кото-

рых можно было ожидать с учетом первоначального спада деловой активности. Не произошло обвала и по такому важному индикатору, как уровень бедности. В 2010 г. он восстановился до предкризисного показателя.

Наконец, нельзя не отметить сравнительно быстрый и динамичный выход на положительную динамику роста. Прирост ВВП уже в 2010 г. составил 6,1%, а в 2011 г. ЛКА вышла на предкризисный уровень производства. Для сравнения можно отметить, что после «долгового взрыва» 1980-х годов региону потребовалось для достижения предкризисных показателей по ВВП и социальным параметрам, соответственно, 12 лет и 24 года.

Важную роль в ограничении воздействия глобальной рецессии в регионе сыграли осуществленные еще в предкризисные годы меры, направленные на консолидацию государственных финансов, сокращение внешнего долга и увеличение международных резервов, введение системы гибких обменных курсов и совершенствование механизма надзора и регулирования деятельности кредитно-банковских институтов. Существенный прогресс был достигнут в подавлении инфляции, являвшейся на протяжении нескольких десятилетий постоянным бичом латиноамериканских экономик. Ее уровень снизился до однозначных показателей, в том числе благодаря законодательному закреплению самостоятельности центральных банков, их независимости от исполнительных органов власти в регулировании кредитно-денежной сферы.

Нельзя не учитывать и тот факт, что латиноамериканские финансовые структуры оказались за рамками спекулятивных операций с деривативами. Исключением стали лишь Бразилия и Мексика. Некоторые крупные бразильские и мексиканские корпорации совершали спекулятивные операции с производными финансовыми инструментами с целью извлечения прибыли из повышения курса национальной валюты. Когда в сентябре—ноябре 2008 г. бразильский реал и мексиканский песо резко упали в цене, соответствующие компании понесли крупные убытки. В Бразилии они достигли 28 млрд долл. и в Мексике — 5 млрд долл.²¹ Однако эти потери не стали критическими и не привели к серьезному расстройству финансовых систем указанных стран.

Благодаря макроэкономической стабилизации и укреплению кредитно-банковского сектора в предкризисный период страны региона были в состоянии проводить активную контрциклическую политику. По мнению экспертов Всемирного банка, возможность использования антициклических мер стала одной из наиболее характерных и знаменательных черт макроэкономической политики стран ЛКА по сравнению с прошлыми периодами нестабильности²². Наибольшее значение имели государственные программы, направленные на активизацию частного спроса и предпринимательской деятельности в форме предоставления гарантий по кредитам, снижения центральным банком учетных ставок и резервных требований, ограничения курсовых колебаний национальных денежных единиц. Заметное место отводилось поддержке малого и среднего бизнеса путем облегчения доступа к банковским займам, сокращения в ряде случаев налоговых выплат и использования других мер стимулирования, включая поддержание рынка труда и прямые дотации наиболее бедным слоям населения за счет госбюджета.

Несмотря на различия в формах и методах антикризисной терапии и финансово-экономических возможностях, латиноамериканским странам уда-

лось в целом ослабить социально-экономические последствия кризиса. Сочетание различных методов и инструментов антициклического регулирования позволило также минимизировать рост бюджетных дефицитов и государственного долга, не допустить инфляционного взрыва и обострения социальной напряженности. Сравнительно быстрый и динамичный выход из рецессии свидетельствует, с одной стороны, о повышении антикризисного потенциала латиноамериканской экономики, с другой — об определенном возрастании ее устойчивости перед лицом внешних шоков в том числе на пути большего задействования внутренних стимулов роста.

Перспективы укрепления этой тенденции пока трудно предсказуемы и во многом будут зависеть от сочетания разнообразных предпосылок — внутренних и внешних, экономических и политических. Основные риски исходят, как представляется, со стороны глобального рынка. Сохраняющиеся здесь признаки неустойчивости и неопределенности оказывают понижающее давление на динамику хозяйственного прогресса латиноамериканских стран. В целом по региону прирост ВВП в 2012 г. снизился до 3,0% по сравнению с 4,3% в 2010 г.²³ В этих условиях повышается актуальность задачи внесения соответствующих корректив в национальные стратегии развития с учетом критического осмысления уроков кризиса и новых реалий, складывающихся на посткризисном пространстве.

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ

Сегодня перед ЛКА как никогда остро стоит проблема оптимизации концепции развития по таким направлениям как диверсификация и технологическая модернизация промышленности, расширение внутреннего рынка, активизация инвестиционного процесса за счет внутренних источников накопления, улучшение условий ведения бизнеса. Следует отметить, что курс на корректировку сложившейся в 1990-е годы модели, наметился уже в первом десятилетии нынешнего столетия. Под воздействием кризиса он приобрел более высокую динамику.

В качестве одного из важных посткризисных императивов обосновывается идея расширения внутреннего рынка, в том числе за счет повышения платежеспособного спроса населения и снижения тем самым критических уровней зависимости делового цикла от внешних факторов. Это не означает отказа от дальнейшего включения в процесс глобализации и использования выгод открытой экономики. Однако для многих стран региона мировой спад показал проблематичность гипертрофированной ориентации на экспорт как основного драйвера экономического роста.

На новый уровень вышел вопрос о повышении роли государства в формировании и реализации основных направлений макроэкономической политики, т.е. о пересмотре одного из центральных постулатов «вашингтонского консенсуса» о невмешательстве в деятельность рынка. Речь идет не о возврате к практике госкапитализма 1960—1970-х годов, а о необходимости более сбалансированного сочетания преимуществ государства и рынка. В более же широком плане можно говорить о корректировке экономической парадигмы и ее выстраивании на новом балансе взаимодействия между рынком, государством и гражданским обществом. В рамках нового подхода поставлен под сомнение тезис о безальтернативности идеологии

«рынка без границ». В противовес традиционным неолиберальным концепциям набирает силу мнение, что формула устойчивого и динамичного прогресса заключается в использовании комплекса рыночных стимулов и активного государственного вмешательства, позволяющего сглаживать провалы рынка и порождаемые им дисбалансы. Все убедительнее стали звучать аргументы в пользу признания за государством специфических функций, требующих не просто установления правил игры на рынке и контроля за их соблюдением. Обосновывается тезис о целесообразности повышения роли государства в решении экономических и социальных проблем, в том числе с использованием налоговых, кредитных и иных рычагов регулирования. Определение масштабов и форм эффективного присутствия государства в хозяйственной жизни с учетом национальной специфики становится одной из центральных составляющих политики посткризисного развития.

Повысилась актуальность курса на развитие национальных кредитно-банковских структур особенно в контексте резких перепадов в объемах притока внешних ресурсов. Наличие глубоко эшелонированной и разветвленной финансовой системы становится критически важным условием для проведения ответственного и самостоятельного курса на снижение порога уязвимости от конъюнктуры мировых рынков капитала. Как показала практика антикризисного управления, стабильная и эффективно регулируемая кредитно-банковская система не только способствует более полному использованию внутренних сбережений, но и усиливает эффект воздействия официальной монетарной политики, повышая ее контрциклические возможности.

С учетом уроков кризиса в регионе выделяются следующие аспекты этой проблемы. Во-первых, углубление внутреннего рынка финансовых услуг и повышение его удельного веса в финансировании инвестиционных проектов. Во-вторых, переосмысление роли внешних ресурсов. В контексте усиления потенциала внутреннего денежного рынка они должны рассматриваться в качестве важного, но не доминирующего фактора в реализации инвестиционных программ. Одновременно ставится задача укрепления и расширения системы региональных и субрегиональных финансовых институтов, политика которых не сопряжена с какими-либо дискриминационными условиями, характерными для практики международных кредитно-финансовых организаций. В-третьих, проведение активной антициклической политики в отношении краткосрочного иностранного капитала, нерегулируемые потоки которого сопряжены с серьезными негативными последствиями для стран-реципиентов.

Возросла значимость проблемы совершенствования интеграционного механизма, по уровню развития которого ЛКА заметно отстает от других регионов мира. В этом плане кризис оказался не только вызовом, но и шансом обновления и углубления региональной интеграции. В повестку дня поставлен вопрос активизации усилий по строительству регионального экономического пространства. Речь идет о мерах по совершенствованию и унификации интеграционного механизма в рамках всего региона, что сможет повысить синергетический эффект действующих здесь экономических группировок. В целом можно говорить об активизации под влиянием кризиса попыток выхода на оптимальные модели интеграционного строитель-

ства, адекватно отвечающих требованиям сегодняшнего дня и с ориентацией на расширение сотрудничества в области производства и инвестиций, а не только внешнеторгового обмена.

Усилилась проявившаяся еще в докризисный период линия на диверсификацию торгово-экономических связей и укрепление делового взаимодействия с новыми партнерами, прежде всего со странами Азии, которые превращаются в новый полюс глобального роста. У стран ЛКА появляются дополнительные и сравнительно емкие рынки сбыта для продукции национальной промышленности. Изменяется география не только торговых потоков. Расширяются источники долгосрочных инвестиций в рамках Юг-Юг, которые частично могут компенсировать снижение их поступления со стороны традиционных стран-доноров (США, Западная Европа, Япония). В 2010 г. Китай вышел на третье место по объему капиталовложений в Латинскую Америку (13%) после США (17%) и Нидерландов (14%). В количественном выражении китайские ПИИ в регионе составили в 2010 г. 15,3 млрд долл., более чем в два раза превысив их кумулятивный объем за 1990—2009 гг. (7,3 млрд долл.)²⁴.

Отмеченные выше процессы являются предпосылкой формирования более прочного экономического фундамента. Другими словами, разрабатываемые концептуальные аспекты политики свидетельствуют в целом, что страны ЛКА, их региональные и субрегиональные организации пытаются скорректировать свою стратегию с учетом уроков кризиса и новой обстановки, складывающейся в глобальной экономике. Предпринимаются определенные шаги по ряду направлений, включая меры по укреплению основ денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, углублению торгово-производственных и финансовых связей на региональном уровне. При поддержке механизмов частно-государственного партнерства разрабатываются и частично реализуются масштабные совместные программы по развитию физической инфраструктуры.

Такая «внутренняя перебалансировка» сочетается с укреплением суверенной политики на международной арене. На фоне ослабления американской доминанты ускорилось продвижение по пути многовекторной дипломатии. Латинская Америка постепенно превращается в блок стран с самостоятельными интересами и собственным видением дальнейших путей развития международных отношений, принимает на себя инициативы в решении глобальных задач современности — от устранения барьеров в мировой торговле до адаптации к изменениям климата.

Суммируя происходящие в регионе изменения, эксперты ВБ выдвинули тезис о формировании «нового облика» Латинской Америки²⁵. Нельзя, вместе с тем, не заметить, что наметившиеся позитивные сдвиги находятся в своей начальной стадии и пока с неясными перспективами их дальнейшей эволюции. Относительно «быстрый» выход из рецессии еще не свидетельствует о приобретении регионом иммунитета от воздействия внешних шоков. Латиноамериканские страны продемонстрировали хотя и возросшие, но еще ограниченные возможности защитить себя от негативных последствий резких перепадов мировой конъюнктуры.

Кроме того, формирование т.н. нового облика сочетается с наличием целого ряда нерешенных и возникновением под влиянием кризиса дополнительных проблем. В макроэкономическом аспекте страны ЛКА начинают входить в зону бюджетного дефицита, что представляет собой новую

ситуацию по сравнению с предкризисным периодом. Курс на сохранение динамизма экономики теперь соседствует с возросшими рисками усиления инфляционного давления, а также проявляющейся в ряде стран нестабильности кредитно-денежного и валютного механизмов.

Восстановление глобального рынка, безусловно, окажет позитивное влияние на ситуацию в ЛКА. Вопрос в том, насколько это воздействие перекроет противодействующие тенденции? Одна из наиболее актуальных задач, стоящих перед ЛКА в условиях структурных сдвигов в мировой экономике, — реиндустриализация национальной промышленности на новом витке технологического прогресса. В недрах текущего цикла уже заметно влияние новой технологической волны. Разворачивается острая конкурентная борьба за дальнейшую интеграцию в мировую экономику на основе наукоемких производств и предложения товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью. На фоне этих растущих императивов возможности большинства стран региона не выглядят убедительными. В частности, по объему средств, направляемых на научно-исследовательские и конструкторские разработки (НИОКР) страны ЛКА заметно отстают не только от экономически развитых, но и от других быстроразвивающихся экономик. В 2010 г. доля ЛКА в мировых расходах на НИОКР (по паритету покупательной способности) составила 2,8% (2,7% в 2000 г.) по сравнению с 25,9% в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 29,4% в ЕС, 39,2% в США и Канаде²⁶. При этом сохраняется существенный разрыв между латиноамериканскими странами: на Бразилию, Мексику и Аргентину приходится 90% всех ассигнований региона на НИОКР (соответственно 70%, 13% и 7%)²⁷.

Не менее остро стоит и вопрос медленного роста производительности труда или, говоря более точно, совокупной факторной производительности, которая представляет собой отношение общего объема товаров и услуг, произведенных в стране, к факторам производства, т.е. капиталу, труду и человеческим навыкам. По оценкам ЭКЛАК, нынешний уровень производительности труда в среднем по Латинской Америке лишь незначительно увеличился по сравнению с 1980 г., в то время как в странах Азии он вырос в три раза за тот же период²⁸. Сохраняющееся резкое отставание в этой области чревато серьезными последствиями, в том числе и в долгосрочной перспективе.

Несмотря на предпринимаемые меры по задействованию внутренних резервов, причины экзогенного характера, тем не менее, традиционно играли и в обозримом будущем продолжают играть важную роль в хозяйственном развитии ЛКА. И здесь по-прежнему сохраняются серьезные риски. Мировая экономика вступила в период замедленного роста. Процесс ее восстановления может оказаться под угрозой, если риски падения экономических показателей материализуются. В этом случае существует опасность срабатывания «эффекта домино» и перерастания долговых проблем в еврозоне, США и Японии в новую рецессию. При таком сценарии позитивная динамика в латиноамериканских странах окажется под большим вопросом, особенно с учетом уже наблюдаемого в регионе снижения запаса прочности, аккумулированного в предкризисные годы.

Наконец, говоря о проблемах, нельзя не отметить, что, несмотря на усиление риторики относительно региональной солидарности, ЛКА еще остается разделенным регионом как идеологически, так и по своим экономическим траекториям. Замедленными темпами продвигаются интеграционные

процессы. Количественный рост разного рода союзов и объединений пока не сопровождается заметными качественными сдвигами.

Таким образом, уменьшение уязвимости от внешних шоков соседствует с наличием комплекса отмеченных и других не менее злободневных проблем²⁹. Вместе с тем на фоне сдвигов тектонических платформ в глобальной экономике и выхода развивающихся стран из тени «золотого миллиарда» нельзя, видимо, исключать более позитивного сценария, при котором неблагоприятное сочетание внешнеэкономических условий не станет фактором, предопределяющим неизбежность фронтального ослабления позиций ЛКА в мировом хозяйстве. В контексте наблюдающихся в Латинской Америке изменений в соотношении инерционных и креативных тенденций в пользу последних повышаются возможности региона увеличить долю в мировом производстве (удельный вес ЛКА в глобальном ВВП составил в 2010 г. 7,9% по сравнению с 6,4% в 2000 г.)³⁰ и сократить наметившееся в последние десятилетия отставание от динамично растущих стран с формирующимся рынком как по количественным, так и качественным параметрам.

В целом же общая совокупность шансов и рисков как для отдельных стран, так и действующих в регионе интеграционных объединений сосредоточена сейчас вокруг главного вопроса — переосмысление парадигмы развития и формирование новых платформ роста с учетом посткризисных императивов. В целом, как писала аргентинская газета «La Nación», «можно говорить об экономической стабильности, хотя и с тучами на горизонте»³¹.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ CEPAL. Panorama de la inserción internacional de América Latina y el Caribe, 2008—2009. Santiago de Chile, 2009, p. 21.

² Palabras de Alicia Bárcena, Secretaria ejecutiva de la CEPAL en ocasión del seminario «El emergente orden financiero global», 22.XI.2008 — <http://www.eclac.cl/prensa/noticias/discursos>

³ <http://www.vestifinance.ru/articles/8305>

⁴ The World Bank. Global Economic Prospects. 2013 January. Washington, 2013, p. 2.

⁵ OECD Economic Outlook. Paris, 2012, p.33.

⁶ Цит. по: <http://www.vestifinance.ru/articles/16734>.

⁷ Bank for International Settlements (BIS). Amounts outstanding of over-the-counter (OTC) derivatives. — <http://www.bis.org/statistics/derstats.htm>

⁸ Comptroller of the Currency. OCC's Quarterly Report on Bank Trading and Derivatives Activities. Fourth Quarter 2011. Washington, 2012. Graph 2, 4.

⁹ BIS Quarterly Review. International Banking and Financial Market developments. Basel, 2012, p.1—10.

¹⁰ The day after tomorrow. A handbook on the future of economic policy in developing world. The World Bank. Washington, 2010, p. XV.

¹¹ The World Bank. Global Economic Prospects. 2013 January. Washington, 2013, p. 2.

¹² Доклад Национального разведывательного совета США. Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. М., 2009, с. 8.

¹³ National Intelligence Council. Global Trends 2030: Alternative Worlds. Washington, 2012. p. 15.

¹⁴ Б.К о э н. Будущее резервных валют. — МВФ. Финансы и развитие. Вашингтон, 2009, с. 26.

¹⁵ The World Bank. Global Development Horizons 2011. Multipolarity: The New Global Economy. Washington, 2011, p. 7.

- ¹⁶ ООН. Обзор мирового экономического и социального положения, 2010 год: переоснащение мирового развития. Нью-Йорк, 2010, с. 2.
- ¹⁷ CEPAL. Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe, 2010. Santiago de Chile, 2010. p.57.
- ¹⁸ IMF. World Economic Outlook, 2012, April. Washington, 2012, p. 195—196.
- ¹⁹ П.К р у г м а н. Возвращение Великой депрессии? М., 2009, с. 84.
- ²⁰ Дж.С т и г л и ц. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011, с. 29.
- ²¹ A.J a r a, R.M o r e n o, C.T o v a r. The global crisis and Latin America: financial impact and policy responses. — Bank for International Settlements . Quarterly Review, 2009, June. Basel, 2009, p. 55.
- ²² Banco mundial. Del colapso global a la recuperación. Ajuste económico y perspectivas de crecimiento para América Latina y el Caribe. Washington, 2010, p. 2.
- ²³ The World Bank. Global Economic Prospects. 2013 January. Washington, 2013, p. 2.
- ²⁴ CEPAL. La inversión extranjera directa en América Latina y el Caribe, 2010. Santiago de Chile, 2011, p. 111.
- ²⁵ См. Banco Mundial. La nueva cara de Latinoamérica y el Caribe. Washington, 2010.
- ²⁶ Red de indicadores de ciencia y tecnología Iberoamericana e Interamericana. El estado de la ciencia, 2011. — <http://www.rieyt.org>
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ CEPAL. Cambio estructural para la igualdad: una visión integrada. Santiago de Chile, 2012, p. 42.
- ²⁹ См.: Л.Л.К л о ч к о в с к и й. Латинская Америка в современном мире. Расстановка основных сил и перспективы развития. — Латинская Америка. М., 2012, № 11; е г о ж е. Латинская Америка: противоречия посткризисного развития. — Латинская Америка. М., 2011, № 11.
- ³⁰ The World Bank. World Development Indicators 2012. Washington, 2012, p. 220.
- ³¹ La Nación. Buenos Aires, 16.XI.2012.